

задает необходимые нормы для всех уровней формирования знания, в том числе и для сферы непосредственного чувственного восприятия мира. Причем эти нормы должны понимать теперь как строго универсальные, не зависящие как от содержания знания, так и от субъекта познания, т. е. от человека или общества как особых материальных систем. Это значит, что диалектический материализм в отличие от эмпиризма и позитивизма может и должен признать идею априорного, неэмпирического знания, дав ей более глубокое обоснование, базирующееся на рассмотрении социально-практической природы познания.

Диалектический материализм, конечно, может понимать субъект познания как материальное тело, как некоторого среднего человека в его психической и физиологической данности, т. е. как своего рода материальную систему, которая имеет внутреннюю структуру, обладает способностью к отражению и т. д. Такой сугубо субстратный аспект рассмотрения необходим, когда речь идет о генезисе сознания или о его отражательной функции. Однако во многих случаях мы должны рассматривать субъект лишь в качестве абстрактного носителя норм. Именно такой субъект, трансцендентальный субъект, лежит в основе концепции Канта. Диалектический материализм не может отказаться от субъекта и в этом втором истолковании, поскольку он не может отказаться от признания познавательных норм, имеющих универсальное значение.

С праксеологической точки зрения, априорное — не что иное, как универсально нормативное, проистекающее из деятельности как общей основы и цели знания. Такое рассмотрение дает возможность снять традиционную мистику с понятия априорного, объяснить его происхождение и функцию. С этих позиций, как представляется, мы можем выработать и рациональные критерии априорного, определить его реальный объем в существующей системе знания, т. е. на новых основаниях решить основную задачу кантовской трансцендентальной логики.

¹ См., например: Lucas I. R. *Euclides ob omni noevo vindicofus*//The British journal for the philosophy of science. 1969. Vol. 20. N 3. P. 1—10.

² См.: Барашенков В. С. Об экспериментальной проверке принципа причинности//Вопросы философии. 1965. № 2.

³ См.: Поппер К. *Логика и рост научного знания*. М., 1983. С. 138—148.

УЧЕНИЕ О ПОНЯТИИ В НЕОКАНТИАНСТВЕ

Л. Г. Тоноян

(Ленинградский государственный университет)

Главная особенность кантовского подхода к логике состоит в том, что он, не предлагая пересматривать основоположения

традиционной логики, выделил ее в качестве формальной науки, канона, и противопоставил ей логику трансцендентальную. Такой подход сыграл двойственную роль в истории логики: с одной стороны, данная им характеристика способствовала обособлению формальной логики как науки, с другой стороны, идея создания трансцендентальной логики оказалась близка тем, кто пытался обосновать логику с помощью специальных наук, в частности, психологии.

Среди ряда учений второй половины XIX века, объединенных названием неокантианства, следует выделить два направления: баденскую школу (Виндельбанд, Риккерт и др.) относят к трансцендентально-психологическому направлению, марбургскую школу (Коген, Наторп, Кассирер и др.) — к трансцендентально-логическому.

Учению о понятии, сформировавшемуся в общей логике, Кант противопоставил учение о трансцендентальном понятии. Трансцендентальное понятие Кант рассматривал не как форму мысли, а как момент познания вещи, как составную часть объективно значимого суждения. Такое понятие определяет сам предмет в результате подпадения (субсумции) предмета под понятие. С трансцендентальной точки зрения это означает, что понятие лежит в основе единства определений предмета и тем самым создает предмет. «Как основание содержит следствие, так и понятие как основа познания содержит под собой все те вещи, от которых оно отвлечено»¹, например, металл по отношению к золоту, меди и т. п. Заметим, что Кант отождествлял отношение подпадения и подчинения.

Трансцендентальное понятие можно назвать еще понятием-схемой. Под эту схему подпадают все предметы данного понятия. Подобно математическим понятиям в кантовском истолковании, такое понятие есть характеристика познающего субъекта, и связана она с единой для всех структурой сознания. Способность трансцендентального субъекта конструировать понятия заняла основное место в работах психологического направления неокантианства.

Глава баденской школы, Вильгельм Виндельбанд (1848—1915), считал основной задачей чистой логики построение системы категорий. Категория как «единство множественного» находит свое выражение в суждении, а также в качестве готового знания в понятии. С особой обстоятельностью Виндельбанд обосновывает единство понятия и суждений, полагая их разными стадиями одной логической функции, состоящей в соединении разнообразного содержания посредством категорий. Поэтому категория в такой же мере форма понятия, как и форма суждения, и тогда аристотелевская и кантовская категории совпадают по значению.

К выводу о единстве понятия и суждения Виндельбанд приходит, например, при рассмотрении отрицательных суждений².

Так же, как и Зигварт, он считает, что всякое отрицательное суждение «А не есть В» означает «ложно, что А есть В»; т. е. отрицательное суждение есть не что иное, как оценка суждения (но не вид суждений), психическая реакция неодобрения. Наряду с другими ценностными категориями она относится не к теории, а к сфере практической деятельности³. В утвердительном суждении выражается оценка одобрения. В нем совершенно так же, как в понятии, происходит соединение представлений: вещь бела и белая вещь. Таким образом, различие между понятием и суждением не логическое, а грамматическое. «Ибо под «понятием» можно тогда подразумевать опять-таки не что иное, как фиксированное и обозначенное по возможности одним самостоятельным словом соединение представлений, одобрение которого должно быть выражено в утвердительном суждении»⁴.

Понятие в сжатой форме содержит те элементы, которые в суждении отделены или снова разложены. Попытку сведения понятия к суждению Виндельбанд связывает одновременно с противопоставлением единичного общему и на этой основе проводит деление наук, как и мышления, на идиографическое и номотетическое.

Разработке указанных положений посвящены труды другого представителя баденской школы, Генриха Риккерта (1863—1936). Как и Виндельбанд, Риккерт считает, что истинное знание есть знание о всеобщем, но истинное, первичное бытие присуще не всеобщему, а индивидуальному. Исходя из этих установок, он приходит к выводу о несостоятельности традиционной теории абстракции, а заодно и теории отражения вообще.

Как возможно научное познание, если следовать установкам Риккерта? Оно возможно благодаря понятиям, точнее, научным понятиям. Понятие выполняет задачу преодоления экстенсивного и интенсивного многообразия действительности, но это преодоление происходит только за счет удаления от действительности. Несмотря на констатируемую им пропасть между понятием и действительностью, Риккерт считает, что понятие может быть значимо для нее, если при решении своих задач оно проходит три стадии: всеобщность, определенность, значимость.

На первой ступени понятие выступает как значение слова или как представление об общем, в котором теряется всякое особенное (например, слову «птица» может соответствовать представление о «чем-то летающем»). Основная функция — упрощать действительность — здесь выполняется: чем неопределеннее представление, тем легче оно применимо.

На второй ступени образуется родовое понятие, которое отличается определенностью и согласно традиционной теории абстракции обладает эмпирической всеобщностью и потому не может быть в строгом смысле научным.

Путь к последнему завершается в понятии закона. Каждая наука стремится к таким понятиям, в которых выражена зако-

номерная связь между предметами и явлениями, поэтому все понятия о предметах имеют тенденцию к превращению в понятия об отношениях. Всеобщая значимость — центральное звено риккертовского учения — присуща только понятиям о законе. Отличие и логическая ценность таких понятий заключается в их эквивалентности суждениям. Научные понятия суть «потенциальные суждения», в которых содержится утверждение или отрицание какого-либо закона, полностью лишённого эмпирического характера. Изучение новых объектов не должно изменять число элементов такого понятия. «Содержание понятия, долженствующего служить для постижения мирового целого, никогда не должно заключать в себе что-либо такое, что приурочивало бы его к какому-нибудь определенному времени»⁵.

Общность таких понятий не эмпирическая; она означает переход непосредственно к необходимости: в суждении «Все S суть P» говорится не о том, что P присущ одинаково всем S, а то, что он присущ особенному S с объективной необходимостью. Поскольку из единичного нельзя вывести общее, Риккерт полагает, что теория абстракции не в состоянии объяснить всеобщность научных понятий. Всеобщность таких понятий он объясняет, преобразуя понятие вещи в понятие отношения и соответственно понятие — в суждение. «Содержание всех логических совершенных естественно-научных понятий состоит из суждений»⁶. Риккерт, правда, допускает понятия «последних вещей», но, анализируя их, приходит к выводу, что свойства «последних вещей» — быть простыми и не данными в эмпирическом воззрении — сходны со свойствами математических объектов и в конечном счете сводимы к чисто математическим образованиям, т. е. понятиям отношения.

Имеет ценность в научном контексте лишь содержание суждений о вещи, и даже понятие «последней вещи» слагается только из суждений.

В наукоучении Риккерта, близком психологической трактовке логики Зигварта, представление — суть (существуют), суждения же — имеют силу, значимы. «Мы не признаем никаких общих вещей наряду с единичными вещами или в последних. Единичные вещи для нас (естествознания) — действительность. Поэтому общее для нас не есть, но имеет силу, мы не познаем вещи, а совершаем обязательные суждения, в которых мы понимаем то, что называем господствующими в природе законами»⁷.

Заслугу разрушения понятия вещи Риккерт приписывает Канту. «Вещь, которая для наивной метафизики есть субстанция — носительница свойств, стала для Канта правилом соединения представлений»⁸.

Несколько по-иному, используя последние достижения математики, теорию множеств, ту же идею превращения понятия вещи в понятие отношения разработал представитель логиче-

ского направления в неокантианстве Эрнст Кассирер (1874—1945). То, что теория абстракции, объясняя происхождение эмпирических понятий, не может объяснить происхождение математических понятий, стало ясно, считает Кассирер, благодаря созданию теории множеств.

Говоря о конструктивности, присущей научным понятиям, Кассирер исходит все из того же кантовского определения понятия как универсального правила для связывания представлений, поэтому главное отличие научных понятий он видит не в общности представлений, а в общезначимости некоторого принципа ряда. Для обоснования этого положения Кассирер выбирает понятие функции, которое, по его мнению, перестав быть только математическим, встало в философии второй половины XIX века на место родового понятия субстанции. Подробно Кассирер останавливается на аналогии между числом и понятием. Опираясь на работы Дедекинда⁹, он сводит сущность числа к его местоположению в ряду. В образовании понятий Кассирер считает главным не принцип *рода*, а принцип *ряда*. Этот тезис объясняет, почему Кассирер отстаивает концепцию порядкового числа и выступает против теории понятия Фреге. Фреге, как известно, проводил в логике теоретико-множественную установку и рассматривал понятие как особую, логическую функцию, но его теория была построена на понятии количественного, или кардинального, числа. Вслед за Кантором Фреге ввел понятие числа через взаимно однозначное соответствие множеств. Кассирер выдвигает возражение, состоящее в том, что множества не может связывать отношение взаимно однозначного соответствия, если мы не различаем эти множества, скажем, как два разных множества, т. е. уже имея понятие о числе. К этому упреку в порочном круге мы еще вернемся, а пока объясним, чем вызвано его возражение. Кассирер отмечает, что если в концепции порядкового числа последнее определялось по его месту в совокупной системе, то в концепции количественного числа связь отношения и числа устранена, смысл элементов должен быть дан до этого порядка и независимо от него, так как числа даны как «общее свойство определенных множеств еще до того, как дано что-нибудь об отношении их последовательности»¹⁰. Это свойство, по Кассиреру, само еще не есть число, а становится им, когда ставится в отношении с другими свойствами, имеющими также логический характер — «более» или «менее», «раньше» или «позже».

Математик рассматривает в числе лишь те свойства, на которые опирается порядок знаков¹¹, число же само по себе может быть чем угодно.

Кассирер видит в теории Фреге недостатки традиционного учения об образовании понятий, т. е. порочный круг. Это объясняется тем, что, по Кассиреру, взаимно однозначное соответствие есть критерий равенства чисел, возникший после образо-

вания числового ряда; Фреге же в качестве исходного принимает именно взаимно однозначное соответствие множеств.

Кассирер замечает, что в борьбе между количественным и порядковым определениями числа отражается борьба между логикой родовых понятий и логикой «относительных» понятий. Фрегевское определение числа было бы на пользу родовому понятию о субстанции. Кассирер ратует за понятие отношения поэтому отстаивает концепцию порядкового числа. Плодотворная в логике точка зрения мощности множества не доказывает, считает Кассирер, что мощность совпадает с понятием числа. Заметим, что и сам Кантор высказал это мнение в рецензии 1885 г. на «Основания математики» Г. Фреге¹². Но Кантор ввел определение порядкового числа для трансфинитных множеств, а Фреге имел в виду кардинальное число (конечных множеств), т. е. инвариант, общий всем эквивалентным множествам.

Кассирер далее показывает, что его теория позволяет с легкостью объяснять новые числовые образования — иррациональные, трансфинитные числа, а также геометрические образования. Рассмотрение последних становится возможным, по его мнению, когда понятие функции присоединяется к понятию числа, в результате из одного понятия выводится целый ряд фигур.

Этот же конструктивный принцип образования понятий Кассирер видит в развитии естественных наук. Анализируя понятия различных наук, он показывает, как родовое понятие о вещественной субстанции исторически преобразуется в них в понятие отношения, например, определение элемента в химии становится чистым выражением принципа ряда и т. п.

Еще один представитель марбургской школы, Пауль Наторп (1854—1924), исходя, как и другие неокантианцы, в своем учении о понятии из «синтетического единства понятия и суждений», приходит, однако, к выводу не о различии понятия вещи и понятия отношения, а об их единстве. Как и Кассирер, он начинает с анализа числа, в результате которого приходит к родовому понятию *переменной*. Функция подведением количественных значений под родовое понятие переменной дает *понятие исчислимой величины*; от него переходит к *понятию бесконечно малой*. Выразив величину как бесконечно малую, уничтожается экстенсивное значение, а интенсивное значение величины закрепляется в чистом выражении закона. Указанные три понятия являются у Наторпа и родовыми понятиями, и понятиями отношения, например, бесконечно малая, будучи понятием отношения, составляет логический фундамент и для вещественного в физике¹³. По мнению главы марбургской школы Германа Когена (1842—1918), «исчисление бесконечно малых» выступает общим философским методом.

Общей чертой учения о понятии неокантианцев можно считать идущее от Канта определение трансцендентального понятия 1) как чистого понятия, образование которого невозможно объ-

яснить путем эмпиристской индукции; 2) как универсального правила, создаваемого субъектом для соединения представлений о реальных вещах. Кантовская постановка вопроса о связи категорий и суждений вылилась у неокантианцев в тезис о единстве понятия и суждения.

Основной их задачей было исследование и обобщение достижений современной им науки с кантовских позиций. Уровень достигнутого научного знания неизбежно вносит коррективы в учение о понятии. К заслугам неокантианцев следует отнести тот большой интерес, который они проявили к основаниям математики и естествознания. Выяснение логической сущности понятия происходило на основе анализа современных понятий математики и естественных наук. Однако при этом немецкие философы исходили из априоризма Канта и устранили из рассмотрения материалистический момент кантовской «вещи в себе». Полагая, что традиционная теория абстракций не может объяснить образование общих, в частности математических, понятий; они делали вывод о несостоятельности какой-либо теории отражения.

Между тем, рассматривая названные концепции с точки зрения марксистско-ленинской теории отражения, мы отчетливее видим их основные недостатки. Главный из них — это полный отрыв логического от исторического. Баденская школа, несмотря на психологизм своих исследований, не выявила никаких действительных предпосылок понятийного мышления, а «логическая» марбургская школа указывала, что, поскольку психологический анализ не дает никаких результатов, никакое исследование фактического, а также донаучного мышления не может объяснить логической сущности понятия.

Кассирер определяет число, исходя из теории Дедекинда, который, с точки зрения математика, считает натуральное число в некотором отношении «свободным творением человеческого духа». Конструктивность некоторых математических понятий Кассирер использует для обоснования конструктивного характера всех научных понятий. Можно говорить о взаимопереходе категорий «вещь», «свойство», «отношение», но нельзя сводить их к одной категории. Отличие вещей от отношений заключается в том, что вещи означают не отношения вообще, а отношения к определенным объектам, вещам. Если идет речь о вещи как частном случае отношения, то такой частный случай следует считать вырожденным, как, например, отрезок прямой является вырожденным случаем треугольника и квадрата¹⁴. «Выведение» частных случаев из общего, о котором говорит Кассирер, не означает отношения выводимости в логическом смысле¹⁵.

С материалистической точки зрения, не вещи не имеют самостоятельного существования, а отношения: одни и те же вещи могут выступать в различных отношениях. Чтобы осуществлять сравнение, должны быть вещи. С. А. Яновская отметила, что

Дедекинду для обоснования понятия числа с помощью отображения необходима была вещь, а не момент отношения¹⁶.

Нет оснований считать, что понятие рождается из математических отношений. Последние суть отражение отношений между реальностями, что всегда предполагает субстрат. Его наличие находит выражение в традиционном родовом понятии. Математические определения не могут разрушить понятие вещи. Превращение понятия вещи в понятие отношения следует считать методологическим заблуждением неокантианцев. Теория познания невозможна без логических форм, отражающих вещи.

Обращение к математике, с точки зрения теории отражения, позволяет сделать иные, чем у последователей Канта, выводы. В понятиях этой «царицы наук» находят более четкое, ясное выражение различные виды отношений между вещами, и эти отношения служат образцом и моделью для применения родовых понятий. Существование родового понятия (о субстанции) они не только не отрицают, но и необходимо предполагают. Идет ли речь о математическом числе или о химическом элементе, в них говорится не о всеобщем как таковом, но о всеобщем нечто, не о системе вообще, а о системе математических или химических элементов. Переменная, имеющая в науке столь важное значение, получена в результате логического отражения реальных вещей. Если для неокантианцев это отражение носит характер отрицания, то с позиций марксизма оно представляет собой не столько отвлечение от вещей, сколько отвлечение от различий между вещами.

«Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже и способностью отвлекаться при рассмотрении этих предметов от всех прочих свойств, кроме числа, и эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития... Как и все другие науки, математика возникла из практических потребностей людей. ...Но, как и во всех других областях мышления, законы, абстрагированные из реального мира, противопоставляются ему как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, с которыми мир должен соотносываться»¹⁷. Приведенные слова Энгельса кажутся сказанными именно по поводу концепций неокантианцев, хотя и написаны до появления их основных работ.

Еще одно замечание следует добавить в связи с критикой Кассирером «теории количественного числа» Фреге. Мы уже отметили, что эта теория признает независимость числа от порядкового счета, что противоречит так называемому принципу ряда Кассирера. По мнению последнего, невозможно определить эквивалентность классов, не обладая понятием числа, т. е. нельзя соотносить множества, не различая их в качестве двух отдельных. Этот аргумент во многом продиктован идеалистической установкой, согласно которой при абстракции свойства не выделяются, а порождаются. Между тем в согласии с принципом от-

ражения в числе можно видеть свойство множеств реальных вещей. Сравнение предметов вовсе не обязательно предполагает наличие понятия «число два». Сама вещь поначалу выступает представителем свойства: например, пять пальцев представляют свойство соответствовать определенному числу предметов, скажем, пяти яблокам. Лишь потом числа начинают выступать как стандартные множества вещей.

«Этот «переворот в методе», исторически сопряженный с превращением чисел из характеристики некоторых равноможных друг другу множеств в особые, до всяких вещей и их множеств существующие «вещи», неизбежно ведет к мистике при метафизическом способе мышления, для которого логическое не включает в себя историческое, то есть определение предмета не включает истории его возникновения и развития»¹⁸.

В учении о понятии неокантианцев, на наш взгляд, нашел яркое выражение кризис методологических оснований естественных и гуманитарных наук. Поднятые ими вопросы остаются актуальными в современной логике и методологии науки.

¹ Кант И. Логика//Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 399—400.

² Виндельбанд В. К учению об отрицательном суждении//Виндельбанд В. Прелюдии. Спб., 1904. С. 351—374.

³ Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. Л., 1973. С. 35.

⁴ Виндельбанд В. Указ. соч. С. 365—366.

⁵ Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий Спб., 1903. С. 57.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Там же. С. 96.

⁹ Дедекиндр Р. Что такое числа и для чего они служат? Казань, 1905.

¹⁰ Кассирер Э. Познание и действительность. Спб., 1912. С. 69.

¹¹ Там же. С. 70.

¹² Кантор Г. Труды по теории множеств. М., 1985. С. 325.

¹³ Наторп П. Логика: (Обоснование и логическое построение математики и математического естествознания). Спб, 1909. С. 47.

¹⁴ Уёмов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963. С. 66.

¹⁵ Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967. С. 219.

¹⁶ Яновская С. А. Методологические проблемы науки. М., 1972. С. 60.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. (Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 37—38.

¹⁸ Яновская С. А. Указ. соч. С. 42.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗНО-МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПЛАНЕ «КРИТИКИ ЧИСТОГО РАЗУМА» И. КАНТА

И. Д. Коцев

(Калининградский государственный университет)

Наличие метафор и вообще образно-метафорического плана в таком сугубо философском произведении, каким является «Критика чистого разума», кажется несколько необычным. Однако это было бы справедливым, если бы мы имели в виду ме-